

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Фигура первого русского царя и его время привлекают к себе внимание не одного поколения историков, писателей, художников. В самом деле, XVI век — во многом определил дальнейшее развитие России. Не случайно поэтому именно Иван Грозный считается одним из ключевых персонажей отечественной истории. Полвека он находился во главе государства, и за это время произошло столько событий, что другим, более спокойным, странам хватило бы на несколько столетий. Сначала — ребенок на престоле, за которого правит мать, затем боярское правление с его переворотами и борьбой придворных группировок, венчание на царство, восстание в Москве 1547 года, реформы середины века, присоединение татарских ханств, удачное начало Ливонской войны, кровавый туман опричнины, потеря только что завоеванных земель в Прибалтике, хозяйственное разорение и, наконец, возможная гибель династии. И все это в период правления одного человека.

Такое множество изменений, происшествий, в центре которых находился Иван IV, не могло остаться вне поля зрения историков. Современная наука может похвастаться тем, что установлено огромное количество фактов, изучены сотни источников, несущих информацию о том далеком времени, написаны десятки книг, сотни статей, посвященных тем или иным сюжетам, связанным с Грозным-царем и Россией его времени. Но несмотря на то, что фактическая сторона событий достаточно хорошо изучена, имеется еще очень много вопросов, относящихся к причинам этих событий, к тому, что привело к ним.

Конечно, историки понимали и понимают, что огромную роль в происходившем играли конкретные исторические деятели, в том числе и сам царь, но личность Ивана Васильевича странным образом остается на периферии ученых трудов — книги и статьи, даже если они и называются «Иван Грозный», посвящены не ему как человеку и правителю, а событиям его царствования и оценке результатов этих событий*.

Причем, как мы уже отмечали во введении к этой книге, историки зачастую модернизируют события далекого прошлого и стараются, исходя из своих собственных взглядов, определить цели, которые ставили исторические деятели при совершении тех или иных действий. Кроме того, на оценку происходившего влияют те или иные политические убеждения ученых, или те или иные представления, господствующие в обществе**.

Модернизация событий времени Ивана Грозного берет начало еще со времен Н. М. Карамзина, вернее даже не самих событий, а их объяснений. Сам Карамзин добросовестно описал царствование первого русского царя исходя из имеющихся в его распоряжении источников, немалое внимание уделяя сочинениям А. М. Курбского и иностранцев. Перипетии правления историограф считал результатом психологического склада царя Ивана, он не находил никаких причин для жестокостей и казней, которыми наполнена вторая половина царствования***. При плодотворности самого подхода к событиям (на основании внимания к внутреннему миру исторических героев), Н. М. Карамзин тем не менее давал оценки действиям Грозного исходя из представлений своего времени, норм поведения, свойственных началу XIX века. Немалую роль в нарисованной Карамзиным картине играло и то, что он был выдающимся писателем своего времени, которому был свойственен интерес к внутреннему миру и переживаниям литературных персонажей. Начиная с Н. М. Карамзина мнение о психической неуравновешенности Ивана IV стало часто повторяться в исторических работах, доходя у некоторых историко-психолого-психиатров до объявления первого русского царя параноиком. Но возникает вопрос о том, возможно ли ставить диагноз через сотни лет после смерти пациента?

* Исключением является книга Б. Н. Флори (*Флоря Б. Н. Иван Грозный*. М., 1999).

** Примерами такого политизированного подхода являются работы В. Б. Кобринина и А. Л. Янова (см. наст. изд., с. 10).

*** *Карамзин Н. М. История Государства Российского*. Кн. 2. Т. 8. Стб. 59–60, 62–63, 188; Кн. 3. Т. 9. М., 1989. Стб. 1–5.

Другие исследователи стремились отказаться от произвольных психологических характеристик и искали другое объяснение событий. С. М. Соловьев, например, пытался доказать, что действия царя были вызваны борьбой родового начала с государственным: Иван представлял государственное начало, а пострадавшие от его действий бояре — родовое. В этом случае оказывается, что действия Грозного носили объективно прогрессивный характер, несмотря на отдельные «перегибы»*. Еще одна часть историков считала и считает, что Иван Васильевич боролся за укрепление личной власти, что во многих его действиях не было никакого государственного смысла, а лишь стремление укрепить собственную, ничем не ограниченную власть — что ему и удалось в конечном итоге**.

Долгое время исследователи придерживались (и многие придерживаются до сих пор) мнения С. Ф. Платонова о том, что основным смыслом деятельности царя была борьба с крупным княжеским землевладением. Князья-бояре, опираясь на свою экономическую мощь, якобы претендовали на участие в управлении государством***. Однако начиная с работ А. А. Зимина подобная точка зрения стала ставиться под сомнение. Сам Зимин и его последователи предполагали, что мероприятия, проводившиеся Иваном IV, были направлены против пережитков феодальной раздробленности — уделов, независимости Церкви и обособленности Новгорода****. С. М. Каштанов считал, что главное в опричнине — это проведение мероприятий, содействующих дальнейшему закреплению крестьян*****. В последнее время появились утверждения о том, что опричнина и террор — попытка Ивана Васильевича мобилизовать все силы страны для победы в затянувшейся Ливонской войне*****.

Представляется, что все эти поиски объективного, материального смысла в действиях Ивана Грозного не приведут к каким-либо однозначным, бесспорным результатам. Проблема заключается в том, что

* Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3. С. 743–746, 751–752.

** Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. С. 107–108, 134.

*** Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. С. 81–121.

**** Зимин А. А. Опричнина Ивана Грозного. С. 477–479; Кобрин В. Б. Иван Грозный. С. 568–571.

***** Каштанов С. М. К изучению опричнины Ивана Грозного // История СССР. 1963. № 2. С. 108.

***** Хорошкевич А. Л. Еще одна теория происхождения опричнины Ивана Грозного // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. Ч. 2. С. 287–290.

исследователи видят лишь результат (да и то не все — одинаковый) и начинают предполагать, что цель действий исторического лица была направлена именно на то, чтобы его достигнуть. Иными словами, происходит перемещение внимания с целей, которые ставил царь, на результаты, которые получились или которые видят (хотят видеть) ученые. Не допускается мысли о том, что видимые ученым через четыреста лет результаты могли вовсе и не планироваться историческими персонажами. Другой минус при подобном подходе к историческим событиям — это то, что за результатами не видно конкретных исторических деятелей, людей, которые, собственно, и должны бы быть в центре исторического повествования.

При рассмотрении только фактов и результатов исторических событий, при подходе, оторванном от конкретных людей и их представлений (а именно такой подход восторжествовал со второй половины XIX века), при оперировании не отдельными историческими лицами, а только классами, только материальными интересами, а не духовными запросами, едва ли можно получить действительное, не искаженное представление о давно минувших эпохах. Сейчас же в научных трудах чаще всего мы видим следующее: Иван Грозный такого-то числа того-то месяца сделал то-то и то-то, а вопрос, почему он сделал именно это, а не что-нибудь другое, как правило, даже не ставится. Вместе с тем сам Иван Васильевич дал развернутое объяснение своих действий и представлений в своих сочинениях. Эти сочинения дошли до нас и привлекаются историками в работе, но, на наш взгляд, явно недостаточно. Получается примерно так: взгляды царя — как бы сами по себе, а фактическая история — сама по себе. А без понимания того, что думал Иван Грозный (что он писал), нельзя, видимо, и получить полное представление об эпохе. Кроме того, необходимо выяснить — совпадали ли представления царя с господствующими в стране представлениями о сущности и правах верховной власти. Бесспорно, все историки понимают, что люди той эпохи были религиозны, но это остается за рамками научных трудов. Однако дело в том, что любой шаг, любой поступок человека XVI века необходимо соотносить с представлениями этого человека о грехе и праведности, о добре и зле. Все знали, что им предстоит дать ответ на Страшном суде — и от этого суда, от того, что перевесит: грехи или праведные дела, зависит дальнейшая участь человека. Вечные муки в аду не были чем-то отвлеченным, в их существовании убежден был каждый. Чтобы суд закончился благополучно, надо прийти к нему

Іѣвѣ стѣры гла тѣмъ.

Твореніе црѣ іѣвѣмъ десно
 таросіи снго. Іѣвѣмъ по
 хваленымъ іѣвѣмъ оубѣ
 зело спѣтннѣ. А іѣвѣ
 плотью проуеи оубѣ. Іѣвѣ
 хов новеи мѣростн іѣвѣ
 и ѣвѣ стѣ тѣмъ іѣвѣ
 ѣвѣ рнѣмъ предѣ тѣмъ
 и за стѣ оупеннѣ. и ѣвѣ
 мѣстѣ рѣнѣмъ оубѣ тѣмъ
 тѣмъ. Благѣ стѣ нѣ рѣнѣ
 зело оубѣ оубѣ оубѣ
 тѣмъ нѣ. Петрѣ тѣмъ
 го предѣ тѣмъ нѣ
 и хрѣннѣ тѣмъ.

Иван Грозный. Стихира на день преставления митрополита Петра
 Список XVI в.

с как можно большим запасом добрых дел. Но откуда узнать — где добро, а где зло? Где найти ответы, есть ли они? Для человека тех времен ответ есть — в Библии.

Царь Иван был верующим человеком — это бесспорно. Но был ли он обычным человеком? Или его положение в стране как-то влияло на его восприятие священных текстов? А это, в свою очередь, влияло на его поступки? Нельзя сказать, что исследователи полностью игнорировали подобные подходы. Еще С. М. Соловьев упомянул о том, что Иван IV был первым царем не потому только, что первый принял царский титул, но потому, что первый вполне осознал все значение царской власти, первый составил себе ее теорию, тогда как отец и дед его усиливали свою власть лишь практически*. Однако Соловьев оставил это упоминание без комментариев, не сделал отсюда никаких выводов, сосредоточив все внимание на своей идее борьбы родового начала с государственным.

* Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 3. С. 432-433.

В. О. Ключевский в своей знаменитой характеристике Ивана Грозного более подробно остановился на этой проблеме. Надо отдать должное выдающемуся историку — созданный им портрет Ивана IV выглядит убедительно. Другое дело, что Ключевский не смог отказаться от представлений своей эпохи, того времени, в котором он жил и творил. Он верно понимает, что черты характера Ивана Васильевича дали особое направление его политическому образу мыслей, а его политический образ мыслей оказывал сильное влияние на его политический образ действий. Исследователь, впрочем, сразу же оговаривается, что влияние этого «образа мыслей» было «вредное», испортило деятельность царя. Но откуда это может быть известно, что испортило, а что не испортило образ действий? В данном случае это известно В. О. Ключевскому только из его общих представлений о том, что должно быть. Несмотря на столь категоричные оценки, сам подход историка к проблеме заслуживает внимания, так как, не учитывая представлений Ивана Грозного о себе и своей роли в жизни страны, едва ли что-нибудь можно понять в истории XVI века. Ключевский верно указывает, что чтение библейских книг сильно повлияло на характер маленького великого князя, он прилагал библейские афоризмы к себе, он создал из текстов идеальный мир, в котором отдыхал от житейских огорчений. В образах избранников Божиих (Моисее, Сауле, Давиде, Соломоне) Иван хотел разглядеть самого себя. Иван IV был первым из московских государей, кто узрел и живо почувствовал в себе царя в настоящем, библейском смысле, помазанника Божия. Картина убедительная. Но ведь в этом отношении Ивана к библейским текстам нет ничего удивительного — в Библии представлены образцы, которым следует подражать, в том числе и правителям. Ключевский же считал взгляды Ивана Васильевича отвлеченной теорией, которую царь не сумел «приладить» к местной исторической действительности, а без подобного «прилаживания» она превратилась в каприз личного самовластия, в орудие личного безотчетного произвола*. Но подобные оценки являются лишь отражением взгляда В. О. Ключевского на события XVI века. На религиозность царя как ключ к его поведению обратил внимание Н. П. Лихачев**.

Мысли, сходные с взглядами В. О. Ключевского, высказывались и в некоторых других сочинениях, но представления царя Ивана о своей

* Ключевский В. О. Сочинения. Т. 2. С. 181–185.

** Лихачев Н. П. Дело о приезде в Москву Антонио Поссевино. С. 101.

власти, об образцах, которым он следовал в своей деятельности, стали отодвигаться на второй план, их лишь упоминали или же более подробно разбирали в трудах, посвященных истории литературы и политическим учениям средневековой Руси*. Другие ученые и вовсе решили отказаться от «произвольных психологических характеристик», ограничиваясь лишь упоминанием о теории Божественного происхождения власти московских правителей. Например, С. Ф. Платонов писал о том, что поклонники идеи Русского государства создали свою теорию, представляя московского великого князя высшей политической силой — «царем православия», наследником вселенских византийских монархов, а Москву — преемницей Рима, средоточием всего христианского мира. И далее: Грозный следовал апостольскому велению — одних миловал, других страхом спасал, и стал в конце концов самодержцем, ибо сам «строил» свое царство**.

Более подробно на взглядах Ивана IV останавливается И. У. Будовниц. По его мнению, царь переработал церковную «иосифлянскую» доктрину исходя из своих собственных интересов. А конечной целью правителя оказывается «благо народа»***. К сожалению, исследователь не объясняет, что он имеет в виду под этим самым «народным благом». Слабой чертой в работе Будовница является то, что он не рассматривает, как взгляды царя отражались на реальных событиях, на его поступках. Идеи И. У. Будовница вызвали резкую критику Н. М. Золотухиной, которая считает, что Иван IV в своих сочинениях дает теоретическое обоснование ничем не ограниченного произвола, отрицает какие-либо обязанности царя перед подданными, провозглашает принцип безусловной надзаконности верховной власти. Политический смысл доктрины царя направлен на идеологическое оправдание проводимого им террора и беззакония. Вдобавок ко всему, взгляды Ивана IV были шагом назад в развитии политической теории по сравнению с уже достигнутым уровнем политико-юридического

* *Валишевский К.* Иван Грозный. М., 1989. С. 246–247, 407–408; *Вальденберг В. Е.* Древнерусские учения о пределах царской власти. СПб., 1916. С. 338–355; *Сперанский М. Н.* История древней русской литературы. М., 1914. С. 498–499. У Сперанского непонятно почему оказывается, что образцом для Ивана Грозного был «царь царей» Навуходоносор.

** *Платонов С. Ф.* Иван Грозный // *Платонов С. Ф., Винпер Р. Ю.* Иван Грозный. М., 1998. С. 32, 86. См. также: *Бахрушин С. В.* Иван Грозный // *Бахрушин С. В.* Научные труды. Т. 2. С. 292.

*** *Будовниц И. У.* Русская публицистика XVI века. М.; Л., 1947. С. 287–294.

Иван IV
Портрет. XVII в.

мышления в России к середине XVI века. Возражение вызывает то, что Золотухина переносит представления XX века на события далекого прошлого, а сам уровень «политико-юридического мышления» в России середины XVI века едва ли может быть определен с достаточной степенью точности, чтобы рассуждать о том, что является шагом назад, а что — шагом вперед*.

Некоторые же исследователи вообще отказались от хотя бы символического рассмотрения взглядов царя Ивана IV. Например,

* Золотухина Н. М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985. С. 161–166.

А. А. Зимин, автор интереснейших работ по истории царствования предпоследнего Рюриковича, подводя итог его деятельности, указывает лишь то, что Грозный был фанатично религиозен, считал себя заместителем Бога на земле, а его политические взгляды отличались «сумбурной смесью обветшавших церковных учений и непомерно гипертрофированных представлений о собственной роли как вершителя судеб подданных»*. Понятно, что такие представления о взглядах царя не могут помочь в объяснении его поступков и реальных действий.

Более убедительной представляется мысль А. М. Сахарова, который в своей работе, посвященной образованию и развитию Российского государства, справедливо указал на то, что Иван формулировал идею Божественного происхождения своей власти, настаивая на своей личной, индивидуальной ответственности перед Богом за врученное ему государство. Именно в силу ответственности власть царя должна быть неограниченной, никто не может вмешиваться в дела власти. Все люди в государстве — холопы царя, который волен их и жаловать, и казнить. Интересы страны требуют сосредоточения всей полноты власти в одних руках**. К сожалению, А. М. Сахаров не развил свои взгляды подробнее, и неспециалистам непонятно: почему именно царь индивидуально отвечает за свое государство перед Богом. Сделанное нами замечание (или скорее — пожелание) относится не только к работе А. М. Сахарова, но и к трудам других авторов, которые высказываясь мимоходом о представлениях Ивана IV о своей власти, не сочли, однако, необходимым более подробно остановиться на этом предмете. Между тем, понимание *причин* формирования взглядов первого русского венчанного царя могло бы объяснить многое в событиях его бурного царствования, а также то, как его действия воспринимались современниками (не уроженцами Западной Европы, воспитанными в другой системе ценностей, а соотечественниками Грозного-государя). Скажем, Д. Н. Альшиц совершенно правильно указывает на то, что Иван укрепился в убеждении, что он является единственным и непререкаемым властелином, заместителем Бога на Русском царстве; на то, что Грозный насквозь проникся верой в земные и небесные основания своего единодержавия, но почему он ими «проникся»? Вразумительного ответа мы не находим***.

* Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 102.

** Сахаров А. М. Образование и развитие Российского государства в XIV—XVII вв. М., 1969. С. 104.

*** Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л., 1988. С. 98, 106.

Много интересных мыслей содержится и в исследовании Я. С. Лурье, посвященном переписке Ивана Грозного с Андреем Курбским*. Однако далеко не со всеми его выводами можно согласиться. Например, то, что Лурье пишет об «аристократизме и демагогии» Ивана Васильевича, вызывает возражения. Кроме того, исследователь, на наш взгляд, не обращал должного внимания на то, какие следствия имели взгляды царя Ивана на политические действия. Я. С. Лурье в основном писал лишь об общественных взглядах. Затем остается неясным, почему взгляды Грозного оказались именно такими. Суть же самого спора царя с беглым боярином отнюдь не сводилась к размышлениям о том, кто остался верен заветам начала 1550-х годов, а была, как справедливо указал Р. Г. Скрынников, более глубокой и относилась к самому принципу государственного устройства России. Вместе с тем, и из многочисленных работ Скрынникова, посвященных Ивану Грозному и его эпохе, остается не совсем понятным, под воздействием чего сформировались взгляды царя и какова степень их влияния на ситуацию в государстве**.

В работе А. Г. Кузьмина удивление вызывает откровенная модернизация представлений давно ушедшей эпохи. Автор, видимо, удивлен тем, что Ивана Грозного «вполне устраивала» формула, заимствованная из послания апостола Павла: всякая власть от Бога. Это нас, людей, имеющих по преимуществу мирское воспитание, привыкших к другим аргументам, подобная цитата из Апостола может не устраивать как доказательство в споре, посвященном политике. Для людей же того времени цитата из Священного Писания являлась решающим аргументом, который опровергал все юридические построения. Сомнение вызывает и то, что А. Г. Кузьмин пишет о намерении «иосифлян» сделать царскую власть «орудием» политики церковных феодалов***.

Очень плодотворная мысль содержится в работе А. П. Павлова, который считает, что политика Ивана IV имела целью направить все сословия тогдашнего русского общества на путь государственного служения****. Таким образом, изменяется сам подход к проблеме:

* Лурье Я. С. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 214–249.

** Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М., 1975. С. 63, 95; Он же. Царство террора. С. 196–198; Он же. Третий Рим. СПб., 1994. С. 90–92, 129.

*** Кузьмин А. Г. Публицистика и общественная мысль // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 2. М., 1977. С. 130.

**** Павлов А. П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI века // История России: Народ и власть. С. 240.

деятельность царя рассматривается не как борьба с чем-то и кем-то, не как борьба «против», а как борьба «за», как борьба за создание нового государства, основанного на началах обязательной службы всех без исключения. Причем, как нам представляется, не только и не столько государственной службы, а службы как выполнения религиозного долга, долга перед Богом*.

В последние годы появились работы, авторы которых стремятся отказаться от ставших уже традиционными рассуждений о прогрессивности или реакционности определенных общественных кругов, от выяснения того, против каких социальных слоев была направлена опричнина.

Трудности, которые испытывает современная историография при рассмотрении событий XVI века, вернее при их интерпретации, при попытке определить, чем же были вызваны те или иные действия первого русского царя, для своего преодоления требуют новых подходов. Представляется очевидной бесперспективность объяснений происшедшего ссылаками на необходимость борьбы с боярством, церковью или особым положением Новгорода в государстве. Ущерб, который был нанесен боярству, церкви, Новгороду или уделам, был, видимо, не запланирован царем Иваном. Этот ущерб являлся скорее побочным непредвиденным результатом решительных действий государя, направленных к достижению какой-то другой, остающейся пока в тени цели. Сама же цель, которая ставилась Иваном Васильевичем, вполне могла иметь нематериальное выражение. В таком случае ключ к пониманию событий его правления лежит в сфере представлений Грозного о себе, о своей роли в жизни страны, о том, что об этой роли думало русское общество того времени. Иными словами, объяснение событий лежит в духовной сфере. При таком подходе главное внимание следует уделить личности самого царя, причем не только и не столько фактам его биографии, сколько его внутреннему миру.

В последние годы были сделаны подобные попытки. Одну из первых предпринял не профессиональный историк, а виднейший иерарх Русской православной церкви митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев)**. Автору как духовному лицу было легче абстрагироваться от материального объяснения событий. Такая

* Одна из лучших, по нашему мнению, работ, раскрывающих взгляды Ивана Грозного: *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. С. 105–116.

** *Иоанн (Снычев)*. Самодержавие духа: Очерки русского самосознания. СПб., 1994. С. 138–164.

позиция исследователя подчеркивается и самим названием его работы: «Самодержавие духа». Основное внимание митрополит Иоанн уделил внутренним, религиозным мотивам всех действий царя. При подобном подходе действительно оказалось возможным дать удовлетворительное истолкование многих событий периода правления Грозного. Первый русский царь для почтенного иерарха безусловно положительный герой. Автор категорически отрицает все выводы, сделанные историками начиная с Карамзина, которые видели в Иване Васильевиче тирана. По его мнению, исследователи безоглядно доверяли свидетельствам иностранцев, которые по личным причинам всячески стремились очернить Россию. Огромную роль сыграло и то, что ученые оторвались от истин православной веры, выискивая рациональные объяснения происходившему. Исследователь подвергает сомнению многие представления, прочно утвердившиеся в историографии, вроде рассказа об убийстве царем собственного сына — царевича Ивана, гибели от Грозного архиепископа Казанского Германа и игумена Корнилия.

По мнению автора, царь был строителем, завершившим создание Руси — Дома Пресвятой Богородицы — и являвшимся в этом доме не хозяином, а первым слугой. Осознание своего долга пришло к Ивану в момент царского венчания и миропомазания. В результате обряда государь осознал глубину мистической связи царя с народом и величину его религиозной ответственности. Это осознание руководило всеми действиями монарха до самой его кончины. Особо отмечается то, что Грозный был первым помазанником Божиим на русском престоле, его труды завершили сложение России, и созданная им государственность оказалась столь прочной, что даже долгие годы Смуты не смогли разрушить Русское государство. Митрополит Иоанн полагал, что, учреждая опричнину, государь совершенно искренне обратился к народу, спрашивая его добровольного согласия на несение «ига и ярма» богоустановленной власти. Опричнина же являлась в руках царя ситом, которым он просеивал всю русскую жизнь, отделяя хорошие семена русской православной соборности и державности от плевел еретических мудрствований, чуждебесия в нравах и забвения своего религиозного долга. Иван Васильевич, как хирург, отсекал от тела России гниющие, бесполезные члены. Он, Помазанник Божий, являлся точкой, в которой символически соединились небо и земля, Царствие Божие и человеческое. В своем царском служении Иван IV — «не от мира сего». И поэтому перед ним, как перед Богом, все равны, и никто

не имеет ни привилегий, ни особых прав. К такому пониманию царской власти государь стремился привести Россию, но на его пути встало боярство, жившее воспоминаниями о своих наследственных правах.

Действительно, подобное понимание событий, внимание к внутреннему миру первого русского царя, позволило убедительно интерпретировать события времени его правления. Однако некоторые положения, высказанные Иоанном (Снычевым), могут вызвать вполне обоснованные возражения. Нельзя, видимо, столь категорично отвергать все свидетельства иностранцев; просто их сообщения нуждаются в тщательной проверке по русским источникам. Возражение вызывает и тот факт, что автор не находит ни одного слова, чтобы показать безусловные сведения о неблагоприятных поступках царя Ивана (например, о его многочисленных неканонических браках). Кроме того, для большинства современных читателей мысль о мистической связи царя с народом, о том, что Грозный являлся помазанником Божиим, не является совершенно понятной. В любом случае, она требовала более подробного рассмотрения. Представляется, что для мирских читателей важно было показать, что являлось источником представлений монарха, на что он опирался, создавая свою теорию власти, которая, безусловно, и определяла его действия. Хотя сама острая постановка вопроса о связи представлений с действиями правителя является сильной чертой разделов книги, посвященных времени Ивана Грозного.

В недавнее время со своей интерпретацией действий Ивана IV выступил А. Л. Юрганов. Он указывает, что исследователи оказываются в тупике, пытаясь объяснить опричнину исходя из рациональных моментов, из ее последствий. Задавшись целью «разглядеть истинную ее направленность», А. Л. Юрганов связывает события с эсхатологическими представлениями царя*. Для доказательства подобной идеи историк вспоминает историю с несостоявшимся концом света по истечении седьмой тысячи лет. Далее, по его мнению, события развивались следующим образом: в 1492 году митрополит Зосима составляет новую пасхалию на ближайшие двадцать лет, затем новгородский архиепископ Геннадий — на семьдесят. В 1540 году Агафон, по поручению будущего митрополита Макария, доводит расчеты до конца восьмой тысячи. В пасхалии написано, что люди не должны предполагать, что конец мира не может наступить до истечения этого срока. Далее А. Л. Юрганов, опираясь на послание Дмитрия Траханиота

* Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 356–411.

архиепископу Геннадию, делает вывод о широком распространении в России идеи о связи конца мира с цифрой семь. Таким образом, оказывается, что в России могли ожидать этого события или в 7000, или в 7007, или в 7070, или, наконец, в 7077 году. Иван Грозный, при приближении роковых семерок, якобы стал беспокоиться, отправился в объезд по селам, составил новую духовную. Это беспокойство, по мысли ученого, связано с приближением 7070 года от сотворения мира. Далее следуют ссылки на то, что другие русские авторы в своих сочинениях писали о наступлении «последних времен». Особое внимание А. Л. Юрганов уделяет посланию Курбского старцу Вассиану Муромцеву, наполненному упреками в адрес царя. По мысли автора, такое возможно было себе позволить лишь при «особых обстоятельствах времени». Отсюда следует вывод, что все думали о скором конце света. При таком подходе неизбежен вопрос: если А. М. Курбский думал о неизбежной вселенской катастрофе, то что за смысл ему был бежать в Литву — и так скоро суд. Сам же царь, по А. Л. Юрганову, находился в исключительном положении и «просто не мог не думать» о возможности скорого конца мира.

Из всех этих построений следует вывод: Иван Грозный видел свои функции в наказании зла в последние дни перед Страшным судом и поэтому, в силу своей особой ответственности, не мог оставаться безучастным ко всему происходившему. Он решил сам бороться со злом, как он его понимал. Опричнина для Грозного явление скорее не политическое, а религиозное, это — образ будущего на земной тверди. Казни — русское чистилище перед Страшным судом. Царь стремился спасти не только свою душу, но и души грешников, которых он подвергал разнообразным мучениям. Лишь в конце правления Грозный стал осознавать, что «прельстился». Для доказательства своей гипотезы исследователь использует и описание опричного дворца, построенного в Москве (он сгорел в 1571 году). Этот дворец изображен в единственном сохранившемся описании Штадена, как Град Божий, а сам царя являлся, таким образом, наместником Бога, пастырем.

Такая жесткая привязка А. Л. Юргановым всех действий Грозного к эсхатологическим ожиданиям является, по нашему мнению, несколько искусственной. Конечно, нельзя отрицать, что царь, как и все христиане, знал о неизбежном конце света, можно даже допустить, что эти ожидания связывались с цифрой семь, но делать отсюда вывод о том, что опричнина была введена именно из-за этого, едва ли возможно. Дело в том, что не имеется источников, которые бы подтверждали

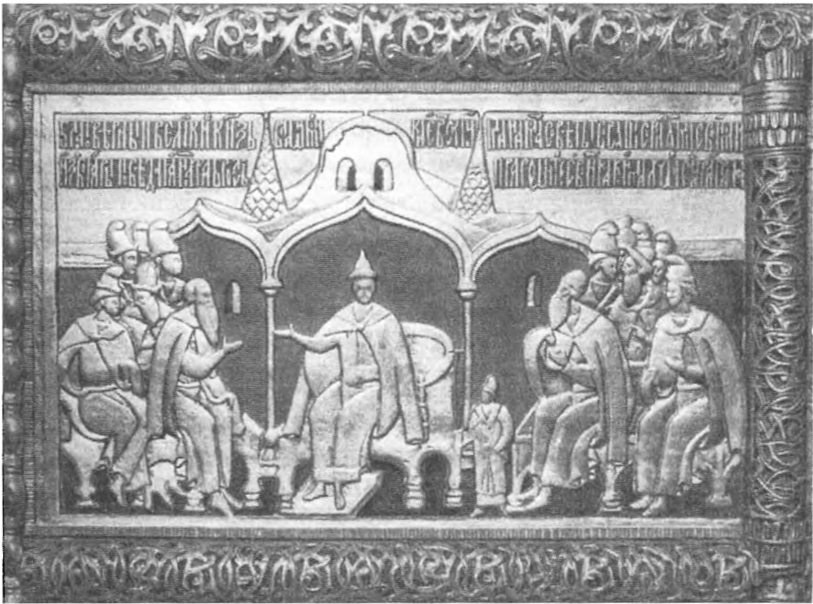
такую связь. В любом случае, ни в 7070, ни в 7077 году Страшный суд не наступил, мало того, Бог показал свое нерасположение к Ивану сожжением Москвы крымскими татарами, но ведь казни не прекратились. При подходе, который применяет А. Л. Юрганов, нельзя объяснить, чем были вызваны события 1575 года: отречение Грозного, появление Симеона Бекбулатовича и новые казни. Если Иван Васильевич, казня «изменников», спасал их души, то почему же синодики были составлены лишь в конце его правления, а не появились сразу? Представляется, что все было как раз наоборот: царь стремился погубить души опальных, а не спасти их. Ожидание конца света, уверенность в его неизбежности могли быть лишь одной, но отнюдь не главной причиной действий Грозного царя. К тому же считалось, что никто не может знать точно, когда он наступит. Поэтому любой христианин должен быть постоянно готов дать ответ за все свои дела. Мысль о том, что именно в начале 1560-х годов эсхатологические ожидания в России усилились, видимо, не может быть доказана. Ожидание конца — неотъемлемая часть представлений любой эпохи, и еще в Священном Писании указано, что Христос пришел в «последние времена». Поэтому упоминание «последних времен» то и дело появляются в литературе — достаточно вспомнить послание Федора Карпова митрополиту Даниилу (тридцатые годы XVI века). Таким образом, точка зрения А. Л. Юрганова не представляется вполне обоснованной.

Вместе с тем в литературе последних лет, посвященной Грозному царю и событиям его времени, отчетливо прослеживается мысль о том, что, во-первых, Иван Васильевич боролся не «против» чего-либо, а «за» создание нового; во-вторых, чтобы понять его поступки, следует обратить пристальное внимание на его взгляды, на то, что повлияло на его представления о себе и его месте в мире. Представления Ивана IV достаточно полно отражены в его сочинениях, особенно в Первом послании Курбскому, написанному как раз непосредственно перед введением опричнины*. Начало знаменитой переписки было положено в 1564 году, когда воевода бежал из занятой русскими войсками Ливонии во владения Польского короля и великого князя Литовского Сигизмунда. Беглый боярин прислал царю грамоту, в которой попытался объяснить свой поступок разгорающимся в России пожаром лютости: царь перебил сильных в Израиле (бояр и воевод),

* Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 12–52.

обвиняя их в изменах и чародействах, которые они не совершали. Все, желающие царю добра, оказались перебиты и изгнаны «без правды». На эти обвинения и дал ответ царь в обширном послании. В самом начале Иван показывает, что власть его и его прямых предков идет из глубины веков, от великого князя Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением. Эта власть передавалась из поколения в поколение, пока не дошла до самого Ивана, который благодарит Бога за то, что получил царство не в междоусобных бранях, а Божиим соизволением и благословением своих родителей. Эта власть — его, Ивана, законное наследие. Даже если бы царь и силой захватил власть, то все равно все обязаны ему повиноваться, ведь есть же слова апостола Павла, которые требуют от истинного христианина повиновения властям, тот же, кто противится власти, — противится Богу. Но Иван — наследственный государь, и вина Курбского лишь увеличивается этим обстоятельством. Беглый князь разъярился на человека (Ивана), но Иван не просто человек, он еще и царь, следовательно, Курбский восстал на самого Бога, отказываясь служить и повиноваться данному Им владыке, а восстание против Бога является отступничеством — самым тяжким грехом. Царь Иван признает единственное основание для выступления против власти — если правитель отрекся от веры, но сам Иван от веры не отрекался, он православен, и жива душа его, никто не может его упрекнуть в отречении от Христа. Следовательно, Курбский бежал не ради веры, а ради временной славы мира сего, ради «сладости». Этим он погубил не только свою собственную душу, но и души своих предков, которых Бог поручил в работу предкам Ивана Грозного. Именно от предков положено законным властителям править, а подвластным — повиноваться. Но еще с детства царя мятежные подданные непрестанно колеблют благочестие (установленный по Божией воле порядок), стремясь данную Ивану от Бога державу перевести под свою власть. Эти попытки преступны, так как рабы не могут повелевать господином. Такое ненормальное положение вещей существует лишь в «безбожных языцех» (не православных странах). Там государи лишь выполняют то, что укажут им их подвластные. Но дело-то в том, что эти страны и не знают света истинной веры! А вот русские православные государи изначала сами владеют своими государствами, а не их бояре и вельможи.

При таких теоретических представлениях Ивана Грозного, любая попытка хоть как-то ограничить его власть рассматривалась им как нарушение Божьего установления, которое необходимо было пресечь

Заседание Боярской думы

Деталь Царского места Ивана IV в Успенском соборе. Середина XVI в.

любыми средствами, вплоть до самых жестоких. Но встает вопрос — было ли в действительности ограничение власти царя? Или это плод его воображения? То, что в годы боярского правления сам Иван не мог реально влиять на события в стране (по возрасту), представляется очевидным. Это же можно сказать, видимо, и о ситуации пятидесятих годов, в любом случае, чтобы решать все самому, государю необходимо было набраться опыта. Однако царь мог, исходя из своих представлений (и не только своих, а господствовавших в книжности), решить, что такой порядок (сложившийся в период правления Избранной рады) не отвечает тому, что должно быть. Мы очень мало знаем о том времени и не можем точно судить, как в действительности принимались решения на совещаниях царя с боярами (возражали ли они ему или нет, пытались ли провести какое-либо законодательное ограничение его власти и т. д.). Видимо, какое-то время царь терпел сложившуюся ситуацию, а затем, достигнув определенного возраста, решил практику привести в соответствие с теорией, а тот, кто высказывал недовольство установившимся порядком, цеплялся за, казалось бы, уже утвердившиеся обычаи, становился, по мнению царя, мятежником, изменником, покушающимся на Божие установление. Неслучайно Иван

пишет о том, что он не дал себя погубить, но погубить, видимо, не тело, которое не будет иметь в вечности особого смысла, а душу — ведь именно гибель души есть настоящая гибель. А в том, что, оставив всё как есть, Иван бы погубил свою душу, он не сомневался. В этом случае он бы не смог оправдаться перед Богом за власть, которая дана была ему, не смог бы выполнить свою миссию православного царя, лично отвечающего за всех подданных своего государства. При таком понимании, единоличное правление, восстановление установленного самим Богом порядка, с помощью сколь угодно жестоких мер, было не прихотью, а именно долгом царя. Казалось бы, переложив свою ответственность на других, Иван облегчал свою собственную, теперешнюю жизнь, но это вело к наказанию в будущей, вечной жизни, на что православный царь пойти, конечно, не мог.

Иван Грозный понимал, что он плотью такой же человек, как и остальные люди, и, как любой человек, грешен. Он не смущаясь признавал это, ведь нет человека без греха, только Бог безгрешен. На обвинения в жестокости царь также дает ответ: правителям не подобает ни зверски яриться, ни бессловесно смиряться. Царь каждый раз действует по обстоятельствам, а наказание грешников, спасение страхом — одна из обязанностей царя. Если не будет в государстве наказаний, то погибнут царства и разорятся междоусобными бранями, а допускать этого настоящему пастырю нельзя. Царь не страшен тем, кто делает добрые дела, он страшен творящим зло. Причем, по мнению Ивана, творить зло можно и не явно, а так, что окружающим будет видно лишь «доброхотство», но царь знает, что от сердец некоторых исходит злодеяние, его устами благословляют, а сердцем клянут. И так, по мнению Грозного, важно не только видимое — дела, но и мысли. Трудность возникает в том, как определить, какие мысли исходят из сердца, как человек служит — для видимости или по правде.

Постоянно Иван возвращается к одной мысли — рабам надлежит повиноваться, а данному Богом царю — править, это непреложная истина. Впрочем, все остальные — рабы не перед Иваном, как человеком, а перед его властью, которая от Бога. Грозный допускает, что какое-то время он был под законной опекой (в детстве), теперь же он дошел до возраста, который определил его отец, и быть дальше под надзором ему не годится. Своих оппонентов государь обвиняет в том, что они хотели, чтобы Иван лишь словом (титолом) был государь, а на деле владели бы они. Ссылками на исторические примеры — историю Византии и Ветхого Завета — Грозный доказывает, что власть

в государстве должна быть единоличной. Царь спасает не только свою собственную душу, а заботится о множестве душ и тел, отсюда следует, что царю должна принадлежать вся власть без остатка и лишь царь может пользоваться властью, не испрашивая ни у кого, кроме Бога, одобрения. Правление многих подобно женскому безумию, оно ведет к гибели государства.

Обвинение Курбского в том, что Грозный приказал перебить «сильных во Израиле», вызвало резкую отповедь царя: ведь Русская земля правится Божиим милосердием, милостью Богородицы, благословением всех святых и своими государями, а не воеводами и боярами. Казнены только изменники, а царь вправе и казнить своих холопов, и жаловать их, причем казнят не только в России, но и в других странах и тем утверждают. Государь считает, что никто не был казнен зря, без вины, и отвергает мнение о том, что он клеветает на погибших: если уж я клеветшу, пишет царь, то в ком другом может явиться истина. Грозный отвергает саму возможность казней по собственной прихоти — ведь для охоты на зайцев надо много псов, а на врагов — множество воинов, и никто, в твердом уме, не станет казнить подданных без причины. Представляется, что на события времени правления Ивана Грозного повлияли не только его представления о собственной власти, но и некоторые черты его характера — он был, видимо, достаточно экзальтированной фигурой, его посещали видения (например, во время взятия Казани Грозный слышал колокольный звон Симонова монастыря). Возможно, что разного рода видения были у него и позже. Сами эти видения не должны были смущать правителя, он их мог воспринимать как Божии послания, как непосредственные беседы с Богом или Его посланцами, подобно тому как праведные цари Израиля общались с Богом. Не отсюда ли уверенность Ивана в том, что он видит, как его клянут сердцем, хотя на словах благословляют?

Царь уверен, что и «доныне», начиная с первого христианского царя Константина, Божественные силы помогают православным царям (в том числе и самому Ивану). Грозный убежден, что хотя он и носит порфиру (то есть является царем), но, как и все остальные, по естеству — простой человек. И как все люди, будет спрошен на Страшном суде о своих делах, но не только о своих, но и о прегрешениях всех подвластных предстоит дать Ивану ответ, если грехи будут совершены по его, царя, недосмотру. Грешники же получают наказание не только на том свете, но должны мучиться и на этом. Из этих двух положений вытекают все действия Грозного-царя. Конечно, Ивана не радует,

IOHANNES BASILIDES
MAGNUS MOSCOVITA
RUM DUX.

Иван Грозный

Западноевропейская гравюра XVII в.

что в его царстве оказалось большое количество изменников, он скорбит по этому поводу, как о людях, погубивших свои души нежеланием подчиняться данному Богом владыке. Царь лишь выполняет свой долг царя, поощряя добрых и наказывая злых, наказания эти не по собственной прихоти налагаются, но по нужде, из-за их, изменников, преступлений.

Курбский совершил страшный грех, бежав от данного ему Богом владыки, он бежал, чтобы жить в самовольстве. Ради этого и нашел себе нового правителя, который сам ничем не владеет, а хуже последнего раба, повинующегося приказаниям своих подвластных. Но, считает царь, беглый князь не утешится там, потому что в этом государстве каждый думает только о себе, никто не сможет избавить обижаемого от рук сильных, так как суд здесь не внемлет нищим и вдовицам (и действительно, князю Андрею пришлось познакомиться с судебными порядками в Польско-Литовском государстве).

Таково основное содержание послания Ивана Грозного Андрею Курбскому. Переписка их на этом не закончилась, но и во втором послании царя Ивана и в других его сочинениях повторяются, в принципе, те же мысли. Наиболее ярко они выражены, видимо, в послании избранному королю Речи Посполитой Стефану Баторию: «Всемогущий Бог благоволил ко всему нашему роду: мы государствуем от великого Рюрика 717 лет, а ты со вчерашнего дня на таком великом государстве, тебя первого из твоего рода... избрали народы и сословия королевства Польского, и посадили тебя на эти государства управлять ими, а не владеть ими. А они люди со своими вольностями, и ты присягаешь величию их земли, нам же всемогущая Божия десница даровала государство, а не кто-либо из людей, Божьей десницей и милостью владеем мы своим государством сами, а не от людей приемлем государство, только сын от отца отцовское по благословению приемлет самовластно и самодержавно, а своим людям мы креста не целуем»*.

Что же можно сказать, ознакомившись с мыслями Ивана Грозного о своей власти? Внес ли он что-нибудь новое в обоснование права на безграничную (кроме веры) власть? Мы не видим в его идеях ничего того, что уже не было бы высказано до него. Основные аргументы Грозного: Божия воля, наследственность, его личная ответственность перед Богом за все происходящее в стране. Но все это уже было сказано до него и, видимо, достаточно широко было известно. Особенность Грозного лишь в том, что он теоретические представления перенес на практику, считая это своим непосредственным долгом и обязанностью. Он воспринял идеи книжников и Священного Писания как непосредственное руководство к действию, что неудивительно — ведь он был первым настоящим, венчанным Русским царем. Подобные идеи, которые Грозный претворил в жизнь, носились в воздухе и были восприняты огромным большинством общества. Основная масса населения считала все происходившее совершенно нормальным, отвечающим Божественной воле. Неслучайно ведь в памяти народа Иван IV остался суровым, жестким, но положительным персонажем. Он был жесток — но жестоки были и его образцы, библейские персонажи, угодившие, несмотря на всю свою жестокость, Богу. Для правителей же вообще, видимо, не подходят общепринятые нравственные категории, особенно для средневековых. Сам Иван это хорошо понимал — ведь он нес ответственность за все происходящее

* ПЛДР. Вторая половина XVI в. С. 176–178.

не только здесь, на земле, но и перед Богом за все происходящее в его царстве. Эта ответственность, со всей своей серьезностью осознанная им, и привела к безграничной, по сути, власти. Что же касается противников Ивана Грозного, то трудно сказать, чего же они в действительности хотели. По посланиям Грозного выходит, что не угодившие ему лица намеревались лишить его реальной власти, оставив его царем лишь по имени и почтив честию «председания» в совете. Было это действительно так или царь преувеличивал — едва ли когда-нибудь узнаем. Однако в таком предположении, на наш взгляд, нет ничего невероятного: во-первых, самому Ивану было виднее, чем нам, живущим через четыреста лет, чего же хотели его «изменники»; и во-вторых, ведь был образец для такого стремления — порядки в Польско-Литовском государстве, которые были достаточно хорошо известны в России. Наконец, в-третьих, сами реформы, или, вернее, часть их была направлена на создание представительства: начало Земских соборов, введение выборного начала в местном управлении. Встает вопрос — а что же предполагалось сделать дальше, какие бы реформы были проведены еще, если бы царь не остановил своих советников?

Единственным, пожалуй, оппонентом Ивана Грозного на литературном поприще выступает уже упоминавшийся выше беглый боярин и воевода Андрей Михайлович Курбский. Трудно найти какую-нибудь теоретическую подоплеку в его посланиях царю, здесь он просто обвиняет монарха в жестокостях и казнях, призывая его одуматься и исправиться. Другое дело — История о великом князе Московском*, основное произведение Курбского, написанное в эмиграции. Хотя большая часть Истории и посвящена описанию «злодейств» царя Ивана, тем не менее по ней можно сделать некоторые выводы о представлениях Курбского о том, что должно быть, как должен управлять царь. Первое, что на себя обращает внимание, это то, что боярин признает, что какое-то время Иван был «добрым и знаменитым» царем, который не жалел своих сил ради Отечества. Князь имеет в виду, прежде всего, военную деятельность Ивана, направленную против государств — наследников Золотой Орды. Царь по собственной воле подчинялся то-гда «добрым» советникам, которых Курбский называет Избранной радой, не предпринимал без их одобрения и согласия ничего важного. Как нам представляется, Курбский здесь говорил о представительном органе, который сосредоточил в своих руках важнейшие

* Курбский А. М. История о великом князе Московском. С. 218–399.

функции, наподобие Земского собора. Однако этот орган не был официально узаконен, что и позволило затем царю избавиться от его опеки. Действительно, если вводились местные выборные органы, то почему не мог существовать и подобный центральный орган? Интересно, что Курбский, доказывая необходимость для царя прислушиваться к советам, ссылается на библейские примеры, в основном из Ветхого Завета, указывая почти все места, где говорится о необходимости для правителя прислушиваться к мнению советников. Впрочем, беглый боярин признает, что и сейчас, когда Иван стал мучителем, у него имеются советники, к мнению которых он (царь) прислушивается, но это плохие советники, «ласкатели». Встает сразу же вопрос: а как же определить «добрых» советников, как отделить «овнов от козлиц»? Курбский не дает ответа. Единственное, что он пишет, — царь должен искать совета доброго и полезного не только у советников, но и у простых людей. Несмотря на такое заявление, уже через несколько страниц Курбский возмущается тем, что Иван набирает себе служителей из престолярства, а делает это из ненависти к вельможам. Таким образом, позиция Курбского, его взгляды на царскую власть противоречивы, чего нельзя сказать о представлениях Ивана IV. Хотя для обоснования своей точки зрения боярин и пытается апеллировать к авторитету библейских книг, но в целом его позиция слаба. Сильной стороной его Истории является то, что она бьет по нервам бесконечным описанием злодеяний и жестокостей Ивана, в теоретической же области, в области обоснования своих взглядов, Курбский, безусловно, проигрывает. Видимо, и сам чувствуя свою слабость в теории, князь в самом конце Истории решил использовать распространенный сюжет о двух дорогах, которые открыты перед каждым человеком: одна из них узкая и тяжелая, но это путь Христа, ведущий к вечной жизни; другая же широкая, но кончается она адом, так как дорога дьявола. Курбский заявляет, как непосредственный свидетель, что неоднократно слышал от царя Ивана слова о том, что одно можно получить: или здешнее, или тамошнее, то есть или трудный путь Христа, или широкий — сатаны. Возможно, что царь и говорил нечто подобное, но беглый князь сделал отсюда вывод (не беспристрастный, а обусловленный его позицией) о том, что царь сознательно сделал выбор в пользу широкого пути, ведущего к гибели. Не случайно за этим идет эмоциональное обвинение царя в отступничестве от истинной веры, которое делало повинование Ивану грехом.

Как видим, у Курбского в действительности нет стройной, непротиворечивой теории о царской власти, кроме общих слов о необходимости повиноваться хорошим советникам, которые он подкрепляет авторитетом Священного Писания. Однако позиция Ивана IV основана также на этом же самом авторитете и обоснована более полно. В ней нет противоречий, свойственных взглядам Курбского. По сути, за Иваном была практически вся предшествующая литература, а за Курбским — лишь возможная практика, порядки в Польско-Литовском государстве да бьющие по нервам описания жестокостей царя. Теория ограничения власти чем-нибудь, находящимся вне этой самой власти, не была разработана, и, видно, сам Курбский и его сторонники (если таковые были) не имели все же четкого представления о том, что же они хотят получить в итоге. Самое главное, они не могли подкрепить свои смутные представления достаточно авторитетными для общества и государя ссылками. Несмотря на отсутствие каких-то четких представлений, теория Курбского вела, в конечном итоге, Россию, видимо, к политическому устройству, сходному с польской действительностью середины XVI века. Иван не допустил подобного развития событий, используя с течением времени самые жестокие меры.

Иван Грозный и Андрей Курбский, бесспорно, самые яркие писатели XVI века, затронувшие в своих произведениях вопрос о сущности власти, о том, на каких основах она должна стоять*.

В своей известной характеристике царя Ивана В. О. Ключевский заявляет о том, что Грозный был первым русским правителем, почувствовавшим себя Царем в библейском смысле. Но ведь это не удивительно! До Ивана IV никто не мог этого чувствовать! Иван был первым царем. И именно это осознание своей избранности из бесчисленного количества людей определяло большинство его поступков. Причем Грозный был царем единственной независимой православной страны. Он оказался в исключительном положении. Одна православная Россия противопоставлена всему остальному миру, в котором живут люди, незнакомые со светом истинной Веры. Необходимо сохранить незапятнанным это православие, отсюда и борьба с еретиками, которых, например, А. Л. Янов изображает «либеральными интеллигентами»**.

* См. также: *Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти.* С. 309–321, 335–356.

** *Янов А. Л. Тень Грозного царя.* С. 58.

Венчание на царство в 1547 году, принятие нового титула изменило статус правителя и его страны. Необходимо было добиваться, чтобы Россия и ее население были достойны нового положения. Нужно было строить все по-новому. Но где образцы? Византия? Она пала... Почему? Ересь и многовластие погубили эту страну. Значит, как пример для подражания она не годится. На что же равняться? Израильское царство первых, угодных Богу царей... Вот где образец. Но те цари были жестоки — ну и что? Ведь именно с ними Бог беседовал, значит, жестокость оправдана, она во благо. Следовательно, можно покарать немногих, чтобы спасти остальных. И не просто можно, а нужно. Это долг царя — наказывать злых, выводить неправду из Святой Руси, не останавливаясь перед любыми крайностями.

Примерно так мог рассуждать Иван Грозный, первым принявший в России царский титул. Видимо, и многие другие понимали необходимость перемен, в первую очередь сотрудники первого периода деятельности царя, Избранная рада. Стремлением к улучшениям вызвана серия реформ пятидесятых годов. И пока все шло более-менее хорошо, царь соглашался со своими советниками. Хотя, возможно, он и не думал, что все идет в нужном направлении. Ведь, по представлениям Грозного, Бог карает не только после смерти, но и при жизни. А здесь было о чем задуматься: тяжелая болезнь 1553 года, смерть большинства детей от Анастасии, вмешательство в Ливонскую войну других государств и, наконец, смерть жены в августе 1560 года. Для царя это все были сигналы, что что-то не так, необходимо что-то менять. Но почему смена правительства произошла лишь в 1560 году, а не раньше? Возможно, просто до 1560 года Иван был молод, а ведь и Христос не учил до тридцати лет. Может, и Грозный ждал этого возраста?

Царь знал, что за грехи подданных отвечать перед Богом будет он, так как они, подданные, даны ему под ответственность. Думал ли он, что сам не грешит? Да нет, он знал, что грешен, и знал, что и за свои грехи даст ответ Богу. Но осознание собственной греховности не мешало Ивану карать за грехи других — невзирая на лица. Причем не важно — действительные эти грехи, или лишь ему, Ивану, казались грехами. С явными преступлениями все понятно, ведь «таких собак везде казнят», а вот тайные преступления, скрытые измены, противоречия — это грехи или нет? Думаю, перед Грозным такой вопрос не стоял: противишься власти — противишься Богу. Даже если кто-нибудь казнен неправильно, невинно и в результате окажется мучеником — то Иван не отказывался дать за это ответ на Страшном суде.

Было ли царю тяжело казнить? Наверное, было, как и любому более-менее нормальному человеку. Но ведь это был его долг, и он обязан был его выполнять, искоренять неправду в Русской земле. А без грозы царю нельзя — ведь не зря он меч носит.

Шли годы... Все больше было казненных, карались целые города, в которых свила гнезда «измена», вспыхивали эпидемии, голова мutilась от пролитой крови, увеличивались грехи; сознание разрушалось от понимания собственной, личной греховности и необходимости дальше искать среди подданных виноватых в изменах. Ради чего? Чтобы создать государство, основанное на правде, достойное православно́й Веры.

И, казалось бы, цель уже близка — Ливония в 1577 году лежит у царских ног, и «хоть многочисленнее песка морского» беззакония Ивана, но милость Божия с ним. Значит, все было не напрасно, значит, он прав, значит все, что он, царь, сделал, угодно Богу! Но скоро пришло разочарование... Казалось, уже достигнутая победа обернулась поражением. В довершение всего умер (или убит) старший сын Иван. А что обещает Бог угодившим ему? Потомство, многочисленное, как звезды небесные... А теперь видно, что Бог покарал его, царя Ивана, что все было напрасно, что он не смог угодить Богу и что даже будущее династии висит на волоске. А ведь Бог карает до седьмого колена... Что же остается? Посмертно простить погибших от его, Ивана, рук, устроить их души и готовиться к смерти, к неизбежному Страшному суду...

Думал ли он о борьбе боярства и дворянства, о смене родовых начал государственным, или о борьбе с обособленностью Великого Новгорода, уделами и Церковью, или лишь об укреплении личной власти? Едва ли он даже догадывался, что историки последующих поколений будут пытаться объяснить его поступки этими положениями. Он просто хотел сделать Русь достойной, единственной хранительницей Православия. Он выполнял свой долг. Будь на его месте другая личность, события, может быть, и пошли несколько по-другому, но в основном, видимо, все бы прошло так же. Иного пути у страны в тех условиях, при тех представлениях не было. И то, что произошло, — должно было произойти.

Конечно, на каждом этапе деятельности Ивана Грозного играли роль и рациональные факторы, но, как представляется, главное было не в них, а в религиозных представлениях царя, в его глубокой убежденности в своей правоте, в уверенности, что он лишь выполняет свой

долг, несет обязательную службу. Так же, как и все остальные должны нести свою — ради одного — Святой Руси.

Иван Грозный — самый известный из русских царей. Можно даже сказать, что его имя стало синонимом русского правителя вообще. Многие современные (и не только современные) авторы пишут о его жестокости, заявляют о том, что именно царь Иван определил весь дальнейший ход русской истории. Можно согласиться с этим отчасти — во многом деятельность Ивана определила установление в стране самодержавных начал, которые сыграли столь большую роль. Удивительно другое — царя Ивана изображают каким-то исключительным монстром, уникальным кровопийцей, самым жестоким человеком из правителей. Справедливо ли это? Да, действительно, его прозвали Грозным, действительно, до Ивана IV в России не было столь жестоких правителей. Но это в России, где каждая казнь по политическим обвинениям была уже событием! Первые публичные казни в Москве известны лишь со второй половины XIV века, и до самого времени Грозного их едва ли было более сотни.

Террор шестидесятих-семидесятих годов XVI века был удивительным именно для России, а отнюдь не для других европейских стран. Этот террор поразил русских. Но каким этот правитель предстает в фольклоре, как его изобразил народ? Народ запомнил, в основном, присоединение Казани, а не кровавые казни бояр. Даже и казни — лишь «выведение» измены.

Но был ли вообще Грозный так уникально жесток, как нас пытаются уверить? Каково количество жертв террора? По синодикам — около четырех тысяч человек. Много это или мало? Для России, где ранее казни считались единицами, это, конечно, много. А для «цивилизованной» Европы — до смешного мало. Даже если допустить, что синодики не полностью учитывали погибших, то число казненных едва ли превысит десять тысяч человек. Итак, десять тысяч за двадцать лет «террора»! Виновных или невинных? Кто знает...

Был ли Грозный уникальным по своей жестокости правителем? Нет, его современники и предшественники в европейских странах не отличались гуманизмом. Достаточно вспомнить Филиппа II Испанского, герцога Альбу, Марию Кровавую, королеву Англии и ее отца Генриха VIII. Чего стоит одна Варфоломеевская ночь во Франции или зверства европейских колонизаторов при покорении Америки и Африки! По сравнению со многими правителями европейских стран Иван Грозный был, можно сказать, смирным и кротким человеком.

Иван Грозный

Гравюра Л. А. Серякова со скульптурного портрета
М. М. Антокольского (1875)

Так почему же именно Иван Васильевич стал образцом жестокости, а не его достойные коллеги по правительственному ремеслу? Ответ прост — потому что он *русский* царь. Как же можно Генриха VIII, при котором написана «Утопия», объявить кровопийцей, равным этому

варвару-москвиту, схизматику! Да только забывают при этом упомянуть, где кончил свой жизненный путь автор «Утопии» и сколько людей было повешено Генрихом за бродяжничество. Как можно сравнить Филиппа Испанского с каким-то Московским царем! Ведь в Испании были Сервантес и Лопе де Вега. Да только опять забывают о кострах, на которых горели еретики, о разгромленных Нидерландах, о залитой кровью Испанской Америке. Вот так и получается: европейским правителям можно убить в десять раз больше своих подданных — но они не становятся в памяти потомков тиранами и живодерами, а русский царь, казнив десять тысяч человек, уже объявлен самым ужасным тираном в мире.

Ну а какова реальная роль Грозного царя в нашей истории? Ведь через два десятка лет страну захлестнула Смута, и само существование государства оказалось под вопросом. Есть ли в этом вина Ивана IV? Да, бесспорно, своими казнями, «перебором людишек», разрушением городов, массовыми переселениями он в какой-то мере дестабилизировал обстановку в стране. Но можно ли утверждать, что именно опричнина вызвала Смутное время? Представляется, что это не совсем так. Гораздо больший удар был нанесен эпидемиями и неурожаями, а не казнями царя Ивана. Количество жертв эпидемий было гораздо значительней, чем число жертв террора. Кроме того, присоединение новых территорий требовало их заселения русскими. В любом случае были неизбежны значительные перемещения населения, колонизация приобретенных земель. Это бы привело к некоторому запустению центра и северо-запада России. Страна почти сорок лет находилась в состоянии войны — это вызывало рост налогов. Можно, конечно, считать, что Ливонская война была не нужна России. Но так ли это? Нужен был порт на Балтийском море. Другое дело, что следовало закончить войну ранее, но все, как известно, крепки задним умом. Татарские нашествия также оказывали негативное влияние на обстановку в стране — но едва ли можно за это винить Ивана Грозного. Видимо, потрясения ожидали Россию, и винить за них одного Грозного не представляется возможным.

Некоторые упрекают царя Ивана в введении обязательной службы — что ж в этом плохого? Служить Отечеству должны все: владельцы земли — лично в войсках, прочие люди — платя налоги, духовенство — молясь за грехи. Гораздо хуже были последствия отмены обязательной службы при Петре III и Екатерине II — но за это с них и надо спрашивать. Грозного упрекают в том, что при нем крестьяне

были прикреплены к земле (урочные годы), но другого выхода у государства не было, в тех условиях этот шаг был неизбежен. Гораздо хуже крестьянам пришлось при «великом реформаторе» Петре I, который прикрепил их к личности владельца.

Грозный лишь довел до конца начатое его предшественниками — московскими великими князьями. Он является одним из создателей Русского государства — и в этом его великая заслуга. Самодержавие, созданное Грозным, было благом для страны. Достаточно посмотреть на Польшо-Литовское государство, чтобы убедиться в этом. В Речи Посполитой не сложилось сильной королевской власти, а была очень «демократическая» республика, даже с разделением властей. Но прошло каких-то двести лет, и что стало с Польшей? Она просто исчезла с карты, несмотря на всю свою «демократию», а может, и благодаря ей. Россия же, несмотря на все испытания, которых на ее долю выпало гораздо больше, чем остальным странам, сохранилась как единое государство. Конечно, на каждом этапе деятельности Ивана Грозного играли роль рациональные факторы, но, как представляется, главное было не в них, а в религиозных представлениях царя, в его глубокой убежденности в своей правоте, в уверенности, что он лишь выполняет свой долг, несет обязательную службу. Так же, как и все остальные должны нести свою — ради одного — Святой Руси. Основная цель Ивана IV — создание «государства нового типа», Русского Православного Царства, идея которого была широко распространена в среде русских книжников.